

Глава 97. Иллюзорная Граница Сунсуй (часть пятая)

Благодаря печати, оставленной Цзян Гу на элементарном духе Вэй Фэна, он мог ощущать его всякий раз, когда тот использовал духовную энергию.

А этот пятнистый пёс, стоящий на краю гибели, всё ещё склонял голову, прижимал уши и изо всех сил пытался исцелить его раны.

Возможно, потому что воспоминания о прошлом пробудили в нём давно угасшую совесть, или, возможно, потому что истинное уничтожение души Вэй Фэна не входило в его планы — Цзян Гу резко сжал руку и быстро, безболезненно свернул шею собаки.

Тело пятнистого пса мгновенно обмякло, но ощущение мягкой шерсти и тепло тела ещё оставались. Цзян Гу небрежно отбросил тело, которое смешалось с множеством других трупов. Пальцы, спрятанные в широком рукаве, невольно потёрлись друг о друга, а выражение лица стало непроницаемым.

Сопровождаемая хрустящим звуком «тррреск», иллюзия рассыпалась, и тела на земле превратились в искры света, растворившиеся перед Цзян Гу.

Одновременно, за пределами иллюзии...

Цзян Чжуань, наблюдая за бесстрастным лицом Цзян Гу в водном зеркале, презрительно усмехнулся: — Говорят, он держит целый сад духовных зверей на горе, выделенной ему в клане Цзян, а в иллюзии пересмотра сердца Дао ему дорожке всего оказалась собака. Совсем как его отец, такой же неудачник.

Лицо Цзян Иньчжуна оставалось серьёзным. Он не ответил на замечание Цзян Чжуаня, а вместо этого перевёл взгляд на оборванца в водном зеркале Цзян Сяньюня: — Этот Лу Лиюй — культиватор-демон?

В иллюзии Лу Лиюй был одет в рваное одеяние, с растрёпанными волосами, в которые вплетены косички с черепами. Спутанные пряди скрывали его лицо, обнажая лишь кроваво-красные глаза. Он сидел на корточках на мече, с жутким, неестественным смехом, а клинок Цзян Сяньюня замер у его шеи, не в силах опуститься.

Даже несмотря на груды костей позади него.

— Отец, прошу вас, успокойтесь. Этот Лу Лиюй действительно культиватор-демон, но Сяньюнь не испытывает к нему никаких чувств. Несколько лет назад он, к несчастью, был опутан договором чувств, который невозможно разорвать. Если он убьёт демона, то и сам умрёт, — глаза Цзян Чжуаня полыхнули жестокостью. — Когда вы вышли из уединения, я как раз собирался доложить вам об этом и просить вашего вмешательства. Будущее Сяньюня связано с континентом Ваньюэ, он никогда не станет связываться с этими низкими культиваторами-демонами.

Цзян Иньчжун перевёл взгляд на Цзян Гу, входящего во второй уровень иллюзии, и промолчал.

Цзян Чжуань медленно опустил руку, глядя на Цзян Гу в водном зеркале. Его лицо на мгновение омрачилось: — Отец, даже если Цзян Гу сумеет избавиться от своих разнородных духовных корней, одиночный корень и врождённый чистый духовный корень — как небо и земля. Сейчас он едва поспевает за Сяньюнем, но как только они достигнут уровня Истинного Бессмертного, он остановится.

Цзян Иньчжун хмыкнул: — Тебе ли меня учить?

— Прошу прощения, отец, — Цзян Чжуань тут же готов был опуститься на колени, но был поддержан лёгким потоком духовной энергии.

— Сяньюнь, как по своему таланту, так и по характеру, — мой избранник на роль наследника клана Цзян. Иначе я не потратил бы столько сил, чтобы отправить его на континент Ваньюэ, — сказал Цзян Иньчжун. — В своё время я лишь выразил восхищение талантом Цзян Юаня, и факты доказали, что он не годился для великих дел. Если Цзян Гу сможет защищать Сяньюня, его потенциал не будет напрасным.

Когда-то, во время внутренних состязаний клана Цзян, Цзян Иньчжун сказал победителю Цзян Юаню, что тот подаёт надежды. Но стоило патриарху уйти в затворничество, как ветвь Цзян Юаня пресеклась. Когда нашли Цзян Гу, если бы не своевременный выход Цзян Иньчжуна из затворничества, мальчик не смог бы даже войти в ворота клана Цзян.

Но всё это было в прошлом, и отец с сыном молчаливо договорились не упоминать об этом.

— Сын понимает, — Цзян Чжуань, наблюдая, как Цзян Сяньюнь отчаянно пытается убить демона, спросил: — Отец, что это за второй уровень иллюзии?

— Заново сформировать сердце Дао с сохранёнными воспоминаниями легко, но победить желания в сердце, руководствуясь только инстинктами, без памяти — трудно, — Цзян Иньчжун смотрел на двух юношей в водном зеркале. — Дети чисты, юноши страстны. На втором уровне иллюзии они должны победить желания в своём сердце, о которых, возможно, сами не подозревают.

Он помедлил и обратился к Цзян Чжуаню: — Знаешь ли ты, сколько людей гибнет на втором уровне?

Цзян Чжуань покачал головой.

— Каждый раз, когда назначается новый глава клана Цзян, из сотни кандидатов, лучших на континенте Пинцзэ, выживает не больше пяти, — сказал Цзян Иньчжун. — Тяжелее всего человеку справиться с собственными желаниями.

— Сяньюнь всецело отдаётся практике, он никогда не потворствовал своим прихотям.

Цзян Иньчжун покачал головой: — Само желание вознесения уже является величайшим искушением.

В Тайной области Сунсуй...

Цзян Гу смотрел на своё юное отражение в водном зеркале, не в силах вспомнить, что он делает.

— А-Ши, что ты там делаешь? Отец зовёт тебя, — вдруг раздался нежный женский голос за его спиной.

Цзян Гу резко обернулся и увидел женщину неземной красоты. Она была одета в белоснежное платье и улыбалась, стоя в дверях. Он непроизвольно раскрыл рот: — ...Мама?

Гу Цинхуэй подошла к нему, собрала его волосы и ласково ущипнула за щёку: — Быстрее иди,

иначе отец накажет тебя.

— Хорошо, — кивнул Цзян Гу, схватил меч со стола и взмыл в небо.

Холодный ветер вызвал лёгкое головокружение. Он остро почувствовал, что что-то не так, но это ощущение развеялось, как только он увидел Цзян Юаня.

Цзян Юань был невероятно красивым мужчиной, облачённым в такие же белоснежные одежды. Он стоял в бамбуковой роще, листья падали на его плечи, но он небрежно смахивал их. При виде сына он улыбнулся с нежностью: — А-Ши.

Нога Цзян Гу непроизвольно сделала шаг вперёд, но затем он резко остановился, инстинктивно настораживаясь и сжимая рукоять меча.

Цзян Юань с улыбкой положил руку ему на плечо: — Вчера маленький Линь опять ленился на тренировке, я наказал его стоять в стойке лошади вон там. Хочешь составить ему компанию?

Цзян Гу проследил за его взглядом и увидел юного Цзян Линя, сердито застывшего в стойке перед огромным валуном. Узкие лисьи глаза мальчика загорелись, когда он заметил Цзян Гу: — Цзян Гу! Иди сюда сейчас же!

Пушистый белоснежный хвост свисал из-за валуна, лениво покачиваясь. Цзян Гу замер, подняв глаза, и увидел огромного Чисюэ. Зверь томно зевнул, надменно и сдержанно взглянул на него и помахал хвостом.

— Эти трое неразлучны, их не оторвать друг от друга, — Гу Цинхуэй неизвестно откуда появилась рядом, обняв Цзян Юаня за руку, и улыбнулась обернувшемуся Цзян Гу: — А-Ши, иди скорее к ним.

Цзян Гу сделал два шага вперёд, но внезапно выхватил меч и развернулся. Сверкнула сталь — и улыбающиеся Гу Цинхуэй с Цзян Юанем широко раскрыли глаза. Головы медленно отделились от тел, которые рухнули в лужи крови.

— Цзян Гу, ты сошёл с ума?! Это же твои родители! — Цзян Линь с криком бросился к нему.

Цзян Гу, не оборачиваясь, пронзил его горло мечом.

Брызги крови запятнали белоснежную пушистую шерсть.

Цзян Гу опустил взгляд и увидел Чисюэ, сидящего у его ног. Зверь не проявлял ни излишней привязанности, ни отстранённости, не бросался на него в панике и не требовал объяснений, словно безоговорочно поддерживая любое его решение.

Цзян Гу сжал рукоять меча, пальцы дрогнули, будто он хотел погладить зверя по ушам. Несмотря на опасность, исходящую от этих иллюзорных образов, он словно на мгновение поддался порыву... но в следующий миг великолепный духовный зверь тоже лежал в луже крови.

Цзян Гу всё ещё не помнил, что именно он делает, но подсознательно знал: никто больше не назовёт его А-Ши, у него нет друзей, и никогда не будет любимого духовного питомца.

Больше, чем видениям, Цзян Гу доверял себе.

Как и ожидалось, тела перед ним превратились в потоки света, а затем сцена изменилась.

Окружение сменилось тёмной, ветхой комнатой, куда сквозь разбитое окно просачивался тусклый лунный свет. Он увидел Вэй Фэна.

Память по-прежнему не возвращалась. Он знал только, что Вэй Фэн должен быть его учеником, но когда тот наклонился, чтобы поцеловать его, Цзян Гу внезапно засомневался.

Губы юноши почти коснулись его, но остановились.

Его яркие глаза пристально всматривались в Цзян Гу, словно пытаясь его узнать. Тёмный, липкий призрачный узор осторожно коснулся места за ухом Цзян Гу, словно что-то подтверждая, возбуждённо обвился вокруг его шеи, и в следующий миг Вэй Фэн схватил Цзян Гу за затылок и поцеловал.

Цзян Гу обнаружил, что не может пошевелиться. Это была не его иллюзия, а иллюзия Вэй Фэна.

Однако, приложив все силы, он мог бы найти способ вырваться. Цзян Гу нахмурился, но знакомый запах юноши сбивал с толку, раздражая. На мгновение его рука, готовая нанести смертельный удар, замерла.

И этого мгновения хватило, чтобы хозяин иллюзии перехватил инициативу.

Вэй Фэн целовал неумело и неловко, но с безрассудной страстью и напором. Он отчаянно вдыхал воздух из лёгких Цзян Гу, а призрачные узоры на его теле извивались, обвивая Цзян Гу и бесцеремонно срывая с него одежду. Запах дурманящих благовоний наполнял тесную комнату.

Цзян Гу сосредоточил духовную энергию в ладони, силой пробив заблокированные меридианы. Энергия сформировала кинжал, которым он пронзил сердце Вэй Фэна через спину. Горячая алая кровь хлынула на шею Цзян Гу, окрасив половину его лица и заставив метку Красного Феникса в уголке глаза вспыхнуть бледным золотом.

Дыхание Вэй Фэна прервалось.

Он явственно ощущал, как жизнь покидает его, но всё же поднял руку и коснулся холодными пальцами метки феникса на виске Цзян Гу, слегка поглаживая её.

Он широко улыбнулся Цзян Гу и с детской обидой прошептал: — Учитель, всё из-за этой слишком сильной иллюзии... Я даже... не могу отличить, вы это или мои фантазии... Всё из-за благовоний...

Говоря это, он наклонился и слизнул кровь с губ Цзян Гу.

Горячий прерывистый шёпот обжигал ухо, и Цзян Гу уже готов был выдернуть клинок, когда услышал плач Вэй Фэна: — Учитель, так больно.

Окровавленная рука Цзян Гу замерла. Дыхание у его уха внезапно прервалось, и Вэй Фэн безжизненно упал на него, одной рукой всё ещё крепко сжимая ладонь Цзян Гу, не державшую кинжал.

Цзян Гу отпустил оружие и лёг, обнимая окровавленное тело в холодном лунном свете. Затем положил ладонь на затылок Вэй Фэна, стирая почти исчезнувшие призрачные узоры. Его голос звучал холодно, но брови были плотно сведены: — Глупец.

Конечно, это больно.

<http://bllate.org/book/13687/1212696>